

**Библиотека
военных
приключений**

Владимир
ПЕРШАНИН

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ШТРАФНИКА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Художник Игорь Варавин

Першанин, Владимир Николаевич.
П26 Последний бой штрафника / Владимир Першанин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 256 с. — (Библиотека военных приключений).

ISBN 978-5-699-92239-0

Лучший фронтовой боевик о советских танкистах. Легендарные Т-34 должны поставить победную точку в Великой Отечественной войне. Командир «тридцатьчетверки» принимает последний бой 9 мая 1945 года.

Он на передовой с лета 41-го. Он не раз горел в танке, выходил из окружений, «искупал вину кровью» в штрафной роте — и прозвище Штрафник, полученное от слишком бдительного политработника, «прилипло» к нему до конца войны, которая не закончилась даже с падением Берлина.

Над Рейхстагом уже развевается красный флаг, гремят победные салюты, но ему предстоит последний, самый трудный бой — за Прагу.

Что может быть страшнее, чем погибнуть в День Победы? Каково это — не кланяться снарядам и «фаустпатронам» 9 мая 1945 года? Кто станет последним павшим на Великой Отечественной войне? Неужели он?.. Выживи, Штрафник! Пожалуйста, выживи! Ты это заслужил...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92239-0

© Першанин В. Н., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие

МАЙ, 1945 ГОД. ПУТЬ НА ПРАГУ

«Тридцатьчетверка» горела, выбрасывая языки чадающего пламени и густой дым солярки. Башня лежала на обочине шоссе. Вторая машина, с разбитыми колесами и скрученной гусеницей, вела торопливый огонь. Три остальных танка передового отряда сползли в кювет и тоже посылали снаряды в сторону чужих оружейных вспышек.

Чехословакия. Горы, лес, добротная шоссе-саяна дорога, высоченные сосны на опушке. Война кончается или уже закончилась. Взят Берлин, подох Гитлер, а мы еще воюем.

Возле «тридцатьчетверки», развернутой посреди шоссе, лежит тело танкиста. Двое из экипажа сумели спастись, а еще двое горят вместе с машиной. Фрицы бьют из леса. Огонь плотный. Снарядов не жалеют, экономить незачем. Я пытаюсь связаться по радиации с подбитой «тридцатьчетверкой», которая продолжает стрелять. Дать команду экипажу покинуть обреченный танк. Это в моей власти, хо-

тя и нарушение устава. Пока действует орудие, танк обязан вести огонь.

— Щас, настройку подключу, — торопится стрелок-радист. — Тряхнуло ящик, но связь есть. Щас...

Десантники и пехота пытаются наступать через редкий сосновый лес. Но им тоже не дают развернуться. Взрывы поднимают завесу дыма и медленно оседающей рыжей хвои. Сосна, подсеченная снарядом, вздрагивает. Верхняя часть вместе с кроной висит секунду или две в воздухе, потом опрокидывается. Нижняя часть дерева, приняв в себя жар раскаленной болванки, загорается огромной свечой.

Из подбитой «тридцатьчетверки», до которой я все же докричался, выскакивает один, второй танкист. Остальные не успевают. Удар проламывает бортовую броню. Вспышка, секунды тишины, и следом — мощный двойной взрыв. Машины загружены боеприпасами под завязку, взрываться есть чему. Сначала детонируют снаряды в башенной укладке. С такой силой, что вскрывают башню, словно консервную банку. Следом взрываются снаряды в напольных чемоданах и баки с горючим. Развороченную башню подкидывает вверх. Через круглое отверстие погона поднимается сноп огня, разлетаются обломки, останки человеческих тел.

Три танка несутся вдоль кювета. Мы заходим в тыл немецкого заслона. Расплачиваемся еще одной подбитой машиной и расстреливаем две тяжелые 88-миллиметровки. Они страшны для любого нашего танка своими мощными снарядами, навороченной оптикой и точными приборами

наведения. Но артиллеристы не успевают развернуть шестиметровые стволы. Одна пушка, разбитая фугасным снарядом, оседает на скособоченных лапах-опорах. Со второй слетает скошенный щит, а взрывная волна и осколки разбрасывают расчет.

Мы несемся вперед, не обращая внимания на разбегающихся артиллеристов. Надо прикончить еще два орудия. Но пока делаем крюк, нас опережает пехота. Обозленные солдаты, уже хватившие спирта, забрасывают гранатами и расстреливают в упор расчеты орудий и пулеметов, грузовики, на которых вырываются из кольца уцелевшие немцы. Кому-то это удастся.

Массивный грузовик, с пробитыми колесами и поврежденным валом, ревет мотором, но скорость набрать не получается. Десантники и пехота, обходя его с трех сторон, непрерывно стреляют из всех стволов. Несколько ответных очередей от фрицев, обреченных, знающих, что пощады не будет. Деревянные борта и брезент дырявят десятки пуль, через минуты все кончено.

Я вылезаю из своей «тридцатьчетверки». Рядом останавливается машина Сани Таганова, командира второго взвода, конопатого парня с исцарапанным лицом. Пехотный старлей, еще не пришедший в себя от горячки боя, показывает пальцем на тела немецких солдат.

Одеты кто во что. В обычную пехотную форму, камуфляж, черные куртки, но почти у всех на петлицах эсэсовские эмблемы. Они дрались с нами упорно, как будто не видно конца войны. Впрочем, у них своя задача. Задержать нас как можно дольше

и дать возможность уйти на запад отступающим частям. Ну и успеть добить восставшую Прагу. Но мы идем туда без передышек, не оглядываясь на свои потери.

Кто-то уже доломал войну, а для нас последний бой впереди. «Последний бой, он трудный самый» — так будут петь спустя годы. Умирать одинаково плохо в любом бою. Но в последнем — обидно. Почему именно я? Впрочем, в те майские дни мы не задавали таких вопросов.

Глава 1

ШТРАФНИК

А что? Обычное прозвище. Бывают и хуже. Впрочем, Штрафником меня называют немногие, например замполит бригады майор Гаценко. Для своей высокой должности он еще очень молод. Ему не больше тридцати. Но держится уверенно, звания и ордена получает быстро.

Гаценко — орел! Да еще со связями в политуправлении. По сравнению с ним я так себе. У майора три сверкающих ордена, блестящая портупея и хромовые надраенные сапоги. Настоящий боевой офицер. У меня так не получается. Может, потому, что не имею ординарца, который каждый вечер начищает Гаценко ордена, пряжки, сапоги. И с наградами у меня бедновато. Медаль «За боевые заслуги». Чего ее без конца драить! Правда, нашивок за ранения — три штуки.

Только хвалиться ими не с руки. Три раза хорошо подковали. Впору пожалеть. Но жалеть меня никто не собирается. Люди и по пять и по семь ранений имеют. Раз признан годным — воюй! Что я делаю с сентября сорок первого. Конечно, с пере-

рывами на санбаты, госпитали, учебу, запасные полки. Без таких перерывов долгую войну не осилишь.

Мое штрафное прошлое всплыло в конце сентября 1943 года, когда я и еще несколько офицеров были направлены в расположение отдельной танковой бригады нашей 40-й армии, которая готовилась к переброске через Днепр. Со мной вместе добровольно перешел в новое подразделение мой заряжающий, сержант Леня Кибалка, с кем мы воюем вместе с весны сорок третьего.

Перевод из части, где ты достаточно повоевал, приобрел друзей, — грустное дело. Не случайно некоторые ребята даже после серьезных ранений отказываются ложиться в госпитали. Из госпиталя в свой полк или бригаду вряд ли попадешь. Лучше уж перекантоваться в санбате и вернуться в родную часть, чем снова привыкать к новому начальству. Но меня, как и остальных офицеров, никто не спрашивал. Есть приказ, продиктованный какими-то обстоятельствами. Его и выполняй. Спустя сутки мы представлялись командованию бригады и входящего в состав танкового полка.

С Николаем Фатеевичем Успенским решили быстро. Капитан — участник боев на Халхин-Голе, освобождал Орел, в армии с тридцать пятого года. Имеет опыт, никаких темных пятен в биографии. Его назначили командиром танкового батальона. Других ребят тоже раскидали в момент.

С моим назначением вопрос застопорился. Дело в том, что год назад я был осужден военным трибуналом за оставление боевой техники, разжалован в рядовые и отвоёвал месяц в штрафной роте.

Тогда, в сорок втором, получилось так. Мою «тридцатьчетверку» подбили. Сорвало гусеницу, а вскоре заклинило башню, которая едва проворачивалась. Тем не менее орудие действовало, и я какое-то время вел бой. Затем, будучи контуженным, покинул подбитый танк вместе с механиком и заряжающим. Главная моя вина заключалась в том, что я не взорвал поврежденную машину. Почему не сделал этого — сам не понимаю. Там всех делов было кинуть в люк гранату или поджечь солярку. Возможно, сыграла свою роль контузия, а может, рассчитывал, что дымившаяся «тридцатьчетверка» сгорит сама, без моей помощи.

Хотя танк не достался немцам (на этом участке они отступили), я угодил под трибунал и был приговорен к двум месяцам штрафной роты. Мог бы угодить и под высшую меру. Тогда шли сильные бои под Сталинградом и всю работу выполнял маховик жесткого приказа Верховного № 0227 «Ни шагу назад!».

Я этот шаг сделал и вполне мог получить пулю в затылок. Однако трибунал учел контузию, прежние ранения, то, что воевал с сентября сорок первого. Отделался штрафной ротой. Вернее, рейдом в немецкий тыл, откуда после боев прорвались живыми тринадцать человек из семидесяти.

Мне вернули прежнее звание и сняли судимость. За год я успел получить еще два ранения, медаль «За боевые заслуги», а на подходе к Днепру был назначен командиром танковой роты. Майор Гаценко, распределявший вновь прибывших офицеров, не торопился с моим назначением, хотя бригаду должны были вот-вот ввести в бой.

Состоялся долгий разговор, из которого выяснилось, что моя личность большого доверия не внушает. Гаценко беседовал со мной по-замполитовски доброжелательно, как отец родной. Мне приносили горячий чай с сухариками, я курил его «Беломор». Но час за часом, сгребая грехи настоящие, а заодно и мнимые, он заталкивал меня в угол. Как ободранный веник, испачканный в чем-то нехорошем. Например, в дерьме.

Кроме штрафной роты, мою боевую биографию хорошо подпортили два выхода из окружения. Осенью сорок первого из-под Брянска и в марте сорок третьего, после повторного взятия Харькова. Окружение ведь это почти плен, а плен — предательство.

Вот такая вязалась ниточка. Надо ли было удивляться, что в придачу к блужданиям по тылам я угодил еще и под трибунал. До бдительного замполита по каким-то каналам дошли и мои недавние разговоры о боях под Орлом, где я выражал «неумное восхищение» немецкой техникой и «жаловался», что наши танки и пехоту гонят в бессмысленные лобовые атаки.

До фраз о «восхищении и жалобах» я вел себя спокойно. Каялся, что действительно дважды попал в окружение, да еще вместе со своим батальоном. Признавал вину за оставленный подбитый танк и с чистой душой сообщил замполиту, что трибунал поступил со мной очень справедливо. Ну, а я, оправдывая доверие, как мог, искупал вину. Даже уничтожил четыре немецких танка, штук семь пушек, грузовиков и сколько-то немецко-фашистских захватчиков.

— Не надо хвалиться, — отечески предостерег меня Гаценко. — Вы и своих машин угробили достаточно.

Здесь он был абсолютно прав. Я потерял в боях четыре танка, на которых воевал. Это тоже не шло в мою пользу. Наверное, замполита больше устроило бы, если бы в каком-то бою я остался в горящем танке и встал в бесконечный ряд «геройски погибших». Тогда бы автоматически отпали бы вопросы о моей сомнительной биографии, штрафной роте, нездоровых разговорах.

— Насчет жалоб вы, товарищ майор, зря, — твердо ответил я. — Мне такое слово незнакомо. А то, что у фрицев сильные танки, тут и спорить нечего. Чтобы подбить, крепко постараться надо. Молодняк, который противника недооценивает, гибнет, и моргнуть не успевает.

— Не надо погибших трогать, — пожалел моих товарищей тыловик Гаценко, блеснув орденами и пряжками на портупее. — Они умирали как герои. И вообще, Волков, вы повторяете ошибку тех, кто возомнил себя прожженными фронтовиками. Во всем разбираетесь, все знаете. Хоть полком ставь командовать!

— Может, хватит? — попросил я. — Чего вы столько времени на меня тратите? Или у вас других дел нет?

— Не знаю, куда тебя направить, — изобразил тяжкие раздумья замполит. — Я ведь думал, пришел опытный командир. А оказывается, прислали с липовой аттестацией штрафника, окруженца да еще и паникера. Немецких орудий он испугался! А другие не боятся, воюют.

— Выбирай слова! — привстал я со стула и едва не опрокинул остатки чая в мельхиоровом подстаканнике.

— Успокойся, герой, — отодвинул стакан Гаценко. — Я за свои слова всегда отвечаю. Ладно, шагай.

— Мне шагать некуда. Три дня в штабе болтаюсь. Отправляйте, куда угодно, только избавьте от вашей болтовни.

Здесь я перехватил. Замполит мог спокойно отправить меня на гауптвахту и устроить кучу неприятностей. Но этого не произошло. Мы обменялись еще двумя-тремя репликами, и я был выставлен за дверь. Результатом беседы и моей несдержанности стало назначение на должность командира танкового взвода. Понижение в должности меня разозлило. Ведь я командовал ротой почти два месяца! Но в спешке наступления приказ оформлен не был, и я оставался по документам командиром взвода. Такое случается на войне часто. Если бы не передовая, то прежний комбат Таранец оставил бы меня командиром роты. Мы пробились к Днепру после сильных боев, за что и к ордену представили. Но сейчас моей судьбой распоряжались другие люди. Какой уж теперь орден!

Позже, немного успокоившись, я понял, что бдительный и самолюбивый замполит поступил со мной согласно своим инструкциям. Штрафная рота, два выхода из окружения, политически вредные разговоры о немецкой армии. Чего еще нужно? Правильно говорят: «Меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют!» И двинул я в танковый полк, принимать новый взвод. Слегка подсластив пилюлю, мне разрешили взять с собой сержанта Леню Кибалку.

Командир второго батальона, майор Плотник Петр Назарович, спокойный и обстоятельный мужик, лет сорока, в мелочи не вникал. Коротко побеседовал, где учился, где воевал, и пожелал служить как положено. Командир роты, Хлынов Степан, крепкий, жилистый парень моих лет, тоже старший лейтенант, пожал руку, расспросил, что и как, представил взводу и пригласил вечером в свою землянку познакомиться поближе.

Из новых подчиненных мне сразу запомнился командир танка, старший сержант Февралев Слава, по кличке Зима. Рослый, светловолосый, с орденом Красной Звезды и двумя медалями, он говорил не спеша, взвешенно. Я понял, что во взводе он пользуется авторитетом, а кто я такой, надо еще посмотреть.

Танк, как водится, мне достался не новый, с заваренной пробоиной на борту. Механик-водитель Гусейнов Рафик доложил, что двигатель прошел капремонт, машина к маршу готова. Леня Кибалка занял свое место башнера, а стрелка-радиста обещали прислать через денек.

Вечером сидели в землянке Степана Хлынова. После двух дней общения с замполитом находиться среди своих, пусть пока и незнакомых людей, было приятно. Здесь все до мелочей напоминало прежний батальон и прежнюю роту. Печка из столитровой бочки, самодельный стол, чурбаки вместо табуреток. Даже старшина был похож на моего прежнего. Впрочем, все старшины похожи друг на друга, знающие себе цену и четко занимающие в ротной иерархии второе место после командира.

Пили разбавленный спирт с родным запахом